

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.6.28>

Назарян Артём Леваевич

Миссионерство как обуславливающий фактор религиозного культа в православном мировоззрении

Цель исследования - проанализировать место и цели миссии в религиозном культе с точки зрения православного миросозерцания. Для этого в статье рассматривается библейское учение о сущностных основаниях феномена миссионерства. Научная новизна состоит в его экспликации на основании текстов не только Нового, но и Ветхого Завета. Полученные результаты показали, что, несмотря на разную форму представления миссии в обоих заветах, она имеет единый смысл, состоящий в непрерывном свидетельстве о Боге как об истинном начале всего сущего от поколений-очевидцев тех или иных Божественных событий и чудес последующим родам. Религиозный культ без миссии является бессмысленным, поскольку теряет свою исконную связь с Первоначалом, а формирование миссиологии сопряжено с исследованиями образа Премудрости как Начала Пути Божьего.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/6/28.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 6. С. 146-151. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 122; 266.1

Дата поступления рукописи: 18.04.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.6.28>

Цель исследования – проанализировать место и цели миссии в религиозном культе с точки зрения православного мировоззрения. Для этого в статье рассматривается библейское учение о сущностных основаниях феномена миссионерства. *Научная новизна* состоит в его экспликации на основании текстов не только Нового, но и Ветхого Завета. *Полученные результаты* показали, что, несмотря на разную форму представления миссии в обоих заветах, она имеет единый смысл, состоящий в непрерывном свидетельстве о Боге как об истинном начале всего сущего от поколений-очевидцев тех или иных Божественных событий и чудес последующим родам. Религиозный культ без миссии является бессмысленным, поскольку теряет свою исконную связь с Первоначалом, а формирование миссиологии сопряжено с исследованиями образа Премудрости как Начала Пути Божьего.

Ключевые слова и фразы: миссиология; сущность миссии; ветхозаветная миссия; миссионерство; свидетельство; христианство; теология; великое поручение; Премудрость Божья.

Назарян Артём Леваевич

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
a-nazareos@yandex.ru

Миссионерство как обуславливающий фактор религиозного культа в православном мировоззрении

Согласно определению большого энциклопедического словаря, «миссионерство – деятельность представителей религиозных организаций, направленная на распространение своего вероисповедания среди инакововерующих» [1]. Теоретические и практические основания этой деятельности научно осмысляет миссиология – наука о миссии в Церкви, образовавшаяся в православии фактически только в XX веке [11, с. 71]. Миссиология – сравнительно молодая наука, еще только подлежащая осмыслению и разработке своих положений, и обсуждение тех или иных её аспектов является крайне актуальным прежде всего в связи с нуждами современности. Так, в Концепции миссионерской деятельности Русской православной церкви от 27.03.2007 говорится о беспрецедентной по масштабам необходимости «второй» христианизации, с которой Церковь не сталкивалась последние 800 лет [4]. Эта необходимость связана с историческими событиями XX века: длительным и последовательным утверждением богоборческой идеологии на территории Русской православной церкви и долгим запретом на миссионерскую деятельность. Возвращение религиозных свобод принесло не только необходимость вновь разрешенной миссионерской деятельности с ее обширными полями для возделывания, но и привело за собой иных сеятелей: активный «прозелитизм» со стороны различных христианских и новых религиозных движений. Особую важность обретает миссия **в цифровой среде** [9], которая изменила сам подход человека к информации: на первый план выходят «умение обращаться с большими потоками информации, а также навыки в выборе приоритетов и предпочтений в агрегировании информационных ресурсов» [7, с. 158]. Меж тем, миссионерство, помимо внутренних религиозных причин, определяет и судьбу развития социума: миссия Андрея Первозванного, а затем века спустя равноапостольных Кирилла и Мефодия предопределили судьбу России на века.

Ещё в документах Великого Всероссийского Поместного Собора 1917-1918 гг. определяется важность миссии: «...миссия, основанная и заповеданная Законоположителем нашей веры Господом Иисусом Христом, есть то великое служение в Церкви, существование которого обуславливается назначением Церкви и требует к себе со стороны ее особой заботы и попечения» [8, с. 45]. В религиозно-научных исследованиях подчеркивается неотъемлемая роль «миссии», которая фигурирует не как некая «факультативная функция Церкви, а как сущностное качество и способ самораскрытия» [5, с. 180]. Протоиерей Иоанн (Мейендорф) замечает, что в церковных кругах постепенно возникает понимание, что «миссионерство – задача всей Церкви, а не отдельных ревностных священников или специальных учреждений» [13, р. 188]. Тезис этот понятным образом основывается на том, к кому обращено евангельское «Великое миссионерское поручение». Однако, несмотря на это, недаром протоиерей Александр (Шмеман) пишет, что «до самого недавнего времени Православная Церковь считалась на Западе немиссионерской... Богословие миссии – всегда плод всецелого бытия Церкви, а не какая-то специальная область, актуальная лишь для тех, кому выпало особое миссионерское служение» [12, с. 20]. Необходимость выражать подобные, казалось бы, очевидные умозаключения говорит о том, что суть миссионерства в его неразрывной связи с религиозным культом еще далеко не осмыслена, подтверждая **актуальность** данного исследования. Не исключено, что это является следствием ситуации, сложившейся к началу XX века в Российской империи, где большую роль в христианизации играло государство, и лишь в результате революционных событий началось переосмысление этой позиции и пришло понимание, что это церковная задача: «Если раньше миссия среди православных по рождению воспринималась как задача периферийная, то теперь произошла переориентация именно на них» [11, с. 73]. Потому целью

данной статьи является определение места миссионерства в религиозном культе в целом: в чем заключается суть миссионерства и какую роль оно играет в христианстве и прежде всего в православном мировоззрении.

В условиях, когда в Русской православной церкви проблематика миссионерского служения является главенствующей, ответы на подобные вопросы имеют серьезную *теоретическую значимость* для формирования оснований православной миссиологии в том, что касается цели и сути миссионерства, и *практическую* – для использования результатов исследования в миссионерской практике при оформлении специальных брошюр миссионеров и иных материалов, в том числе в цифровой среде. Но где же искать теоретическую базу, на которой должна строиться миссиология? Известны труды преп. Макария (Глухарева), святителя Иннокентия (Вениаминова), Н. И. Ильминского, основанные на опыте практического миссионерства. Ценны работы протоиерея Владимира (Федорова). Однако трудно найти ответ на столь базовый вопрос о сути миссии, если только не усмотреть отдельные тезисы во множестве миссионерских заметок. Знаменательны и логичны попытки эксплицировать библейские основания миссии и миссиологии, например, в докторской диссертации «Православная миссиология в системе теологического знания» нынешнего заместителя председателя Синодального миссионерского отдела, игумена Серапиона (Митько), защитившего её совсем недавно – в декабре 2019 года. В ней заявляется не столько о возможности таковой экспликации, сколько о её необходимости [6, с. 33]. В другой характерной для миссиологических исследований статье указывается на необходимость для миссиолога быть способным раскрыть и систематизировать миссиологические тропы, явленные Христом во время Его земного служения как выражение Его предвечных идей – логосов [2, с. 135]. Иными словами, для формирования теоретических основ миссиологии предлагается обратиться к Евангельским примерам, являющимся практическим видимым выражением Божественных идей, относящихся к сфере миссии. В данном исследовании предлагается использовать ту же *методологию* для достижения поставленной цели. Соответственно формулируется и *задача* – проанализировать тексты не только Нового, но и Ветхого Завета для выявления внутреннего смысла миссионерства. Подобная всеобъемлющая экспликация библейских воззрений на место миссионерства в религиозном культе характеризует научную новизну данного исследования.

В Новом Завете действительно прямо и неприкрыто содержится своеобразный девиз миссионерства, или, как его называют, «Великое Миссионерское Поручение», данное Самим Иисусом Христом в Мф. 28.19: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века». Лейтмотив этот выражен и раскрывается далее и в двух других Евангелиях: в Мк. 16:15-16 – «идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет», и в Лук. 24:46-47: «И сказал им: так написано, и так надлежало пострадать Христу, и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима».

Несомненно, анализируя именно указанные стихи как евангельские пролегомены в миссиологию, современные исследователи говорят о двух наиболее распространённых аспектах миссиологического дискурса: этимологическом и сотериологическом [5, с. 180]. Первый рассматривает содержание миссии как таковой, выражающейся в проповеди Слова Божьего и обращения в Православную веру – «идите, научите все народы», а второй – сотериологический – утверждает конечную цель этой проповеди как спасение человека – «кто будет веровать и креститься, спасен будет». Хотя этими двумя аспектами, как видно из стихов Мф., Мк., Лук., миссиология не ограничивается, именно в свете сотериологии становится очевидной глубокая необходимость миссионерства как важнейшей части христианского религиозного культа, в данном случае православия.

Однако сотериологический аспект новозаветной миссиологии несет за собой необходимость разрешения вытекающего из него противоречия. Во-первых, современный раввинистический иудаизм не имеет в себе миссиональной направленности, не занимается миссионерской работой (среди других народов). Во-вторых, распространены утверждения, что «в самом Ветхом Завете миссиональная тематика представлена незначительно и кажется периферийной по отношению к его основному повествовательному содержанию. По крайней мере, такое представление является чрезвычайно распространённым и формируется на основе сопоставления с Новым Заветом» [6, с. 57]. При этом «представления о немиссионерском характере Ветхого Завета являются не только чрезвычайно распространёнными, но и в определенной степени обоснованными. Остается верным тезис об отсутствии в Ветхом Завете прямого миссионерского поручения, по крайней мере в том виде, в котором оно несомненно присутствует в Новом Завете» [Там же]. Однако если мыслить миссионерство как нововведение христианства, то нарушается столь важная преемственность между ветхозаветным и новозаветным откровениями, которые должны быть объединены единой идеей или замыслом (несмотря на внешнюю отмену закона, Иисус Христос неоднократно показывал преемственность двух заветов, в частности утверждая, что Он пришел не нарушить закон, а исполнить). С другой стороны, если в Ветхом Завете отсутствует миссионерское поручение в том виде, в котором оно присутствует в Новом Завете, это не означает со смысловой точки зрения (а не с точки зрения внешней формы), что миссия не может присутствовать в какой-либо иной форме в Ветхозаветном Откровении – нужно лишь найти форменное выражение той же единой идеи. В противном случае страдает тезис о наличии в миссии сотериологического аспекта, приводя к нарушению библейской ветхозаветной сотериологии, долженствующей быть в единстве с новозаветной, ибо Бог Един и замысел также един: «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13:8).

Такое представление о Ветхом Завете не выдерживает критики и с иной точки зрения: прекрасно известно, что до-христианскому иудаизму (в отличие от раввинистического) миссионерство было как раз таки

вполне присущим. Об этом говорят обличения Иисуса Христа против фарисеев-миссионеров в 23-й главе Евангелия от Матфея: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас» (Мф. 23:15). Итак, фарисеи не только всегда стремились обратить в свою веру окружающих, и на то были все возможности благодаря близости к прочим народам, среди которых иудеи оказались частично рассеянными в период Римского владычества. Но в Мф. 23:13 Иисус Христос также обличает книжников, имеющих ключи разумения (Лук. 11:52), за то, что они не позволяют желающим войти в Царство Небесное: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и желающих войти не допускаете». Тем самым здесь хоть и не столь явно, но показано, что Христом не осуждается само желание фарисеев обойти весь мир (читай: все народы) с целью обращения хотя бы одного, и даже напротив, обличаются те, кто, имея ключи разумения, не приводили желающих к воротам Царствия. Однако же проблема состояла в том, что нарушалась самая суть и назначение миссии, ибо вместо того чтобы приводить обращенных к спасению и обретению спасительного статуса сынов Божьих, миссионерская деятельность фарисеев по какой-то причине приводила к их осуждению как сынов геенны.

Отсюда очевидна необходимость более глубокого раскрытия сотериологических тезисов о глубинной сути миссионерства как: 1) обращения в православие / христианскую веру; 2) спасения обращаемого. В церковной среде неоднократно звучат тезисы, подобные этому: «Церковь всегда совершает своё главное служение, к которому Она и призвана, а именно – стремится обратить к Богу как можно большее количество людей» [3, с. 131]. Однако ясно, что обращение не может быть самоцелью, ибо оно еще не подразумевает спасения в собственном смысле, поскольку спасение не достигается самим фактом обращения. Недаром в христианской практике следующим миссионерским этапом является катехизация, ибо в Мф. 28:19 сказано, что должно не только «идти ко всем народам», но и научить соблюдать всё то, что Иисус повелел Своим ученикам. Апостол Павел, фактически положивший основание миссиологии как таковой, став первым апостолом язычников, откликнувшись на Великое Миссионерское Призвание Христа идти ко всем народам, заявляет о необходимости соответствия внешнего и внутреннего, ибо «не тот иудей, кто таков по наружности», но тот, «кто внутренне таков... по Духу» (Рим. 2:28-29).

Таким образом, важнейшим миссионерским этапом является дальнейшее просвещение, чтобы, просвещаясь из первоначально внешнего служителя культа, сделаться служителем его по духу. Но в чем должно состоять данное просвещение? От направления просвещения и катехизации зависит основание самого культа: что сам культ содержит в себе? Каково его внутреннее содержание? При этом явно, что изучение того или иного раздела православного богословия, чтение житийной литературы, преклонение пред святынями, «целование икон» и иные, с точки зрения культа, акты выражения церковного благочестия сами по себе не ведут к спасению и не являются целью обращения ко Христу как успеха миссионерства.

Возникает вопрос: как с точки зрения православного мировоззрения должно осуществляться просвещение в рамках миссии? Какого результата должна достигать миссия и к чему приводить обращаемого, чтобы осуществлялся единый Божественный спасительный план, заложенный в основание данного культа? Ответ является тем самым искомым на заявленный в цели статьи вопрос о сути и содержании миссии: что хочет миссия доказать обращаемому? И чего обращаемый должен достичь в результате внешнего принятия послания миссии, и в процессе дальнейшего духовного развития? **Именно обращение к библейским основаниям миссионерства поможет дать ответ на этот вопрос, заложив в основу науки максимально разработанные тезисы.**

Здесь стоит обратить внимание на слова Христа, которые были приведены выше, где Он обличает фарисеев и говорит о ложных плодах миссионерства, когда обращаемые становятся сынами геенны. Отсюда ясно, что с точки зрения христианского вероучения **истинным плодом миссионерства является становление сынов Божьих**. Однако что значит стать сыном Божьим? «Всякий верующий, что Иисус есть Христос – от Бога рожден» (1 Ин. 5:1), и «тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божьими, которые... от Бога родились» (Ин. 1:12-13), и «исповедующий Сына имеет и Отца» (1 Ин. 2:23). Итак, принимающие Сына Божьего обладают властью быть признаваемыми чадами Божьими. В понятийном смысле сыны Божьи – те, кого родил Сам Бог, иными словами, те, кто признаёт Иисуса Христа Своим Богом – те и являются сынами Божьими. Но что есть Бог с точки зрения миссии? Рассматривая контекст 1-й главы Евангелия Иоанна, становится ясным, что Бог есть тот, кто есть Начало, через которого «всё начало быть, без Него ничто не начало быть, что начало быть». Именно на это Божественное свойство – быть Первым – непрерывно указывается в Евангелиях, посланиях апостолов: «прежде нежели был Авраам, я есмь» (Ин. 8:58), Иоанном Крестителем – «Идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня» (Ин. 1:15), в книге Откровение – «Я есмь первый и последний» (Откр. 1:17). Причем, если проанализировать идею о Первенстве Бога, то она минимум дважды прямым текстом встречается в книге пророка Исайи и 4 раза – в начале и конце книги Откровение. В непрерывном утверждении этого факта видится апология, и необходимость его упоминания свидетельствует, что это заявление оспаривалось.

Это и неудивительно, ибо для любого религиозного культа неотъемлем тезис, что бог данного конкретного культа – есть начало всего, ибо иначе это уже не бог, а тварь, а бог и тварь в этом контексте – взаимоисключающие понятия. Таким образом, если говорить о миссионерстве именно с позиции религиозного культа в целом, то кажется очевидным, что споры об обращении в ту или иную религию связаны с критерием Единой Истины, которые, в свою очередь, подразумевают спор о начале: чей бог является Истинным Первоначалом?

Отсюда суть миссионерства – привести человека к познанию того, что было от начала, и затем, имея это познание, свидетельствовать об этом знании другим людям и последующим поколениям. Если этот тезис является верным, то по смыслу он должен быть применимым не только к Новому завету, но и к ветхозаветным временам.

Необходимо сразу отметить, что данный тезис верифицируем и поддерживается библейским мировоззрением. Дело в том, что свидетельство о Боге как Начале теоретически осуществимо только теми свидетелями, которые лично познали Его как Начало и слышали Его глас и видели Его чудеса, свидетельствующие о Нем как о Начале. Ибо свидетель – это очевидец, тот, кому известны определенные обстоятельства, кто лично присутствует при них. Недаром апостол Иоанн говорит в 1 Ин.: «...о том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши... и мы видим и свидетельствуем и возвещаем... о том, что мы видели и слышали, возвещаем вам, чтобы и вы имели общение с нами: а наше общение с Отцом и Сыном Его, Иисусом Христом» (1 Ин. 1:1-3). Здесь утверждается именно **преемственность свидетельства** от видевшего и слышавшего, чье свидетельство истинно как очевидца, к последующим, кто уже не является прямым очевидцем. Особенно стоит обратить внимание на последовательную цепочку свидетельства в 1 Ин. 1:1-3: слушающие Иоанна имеют общение с ним, а сам Иоанн имеет общение с Иисусом Христом.

Отсюда видна странность аргумента, что миссионерство чуждо Ветхому завету, ибо в Ветхом Завете еще со времен, описываемых в Пятикнижии Моисея, всегда утверждалась практика непрерывного свидетельства от отцов к детям: «Он постановил устав в Иакове и положил закон в Израиле. Который заповедал отцам нашим возвещать детям их, чтобы знал грядущий род, дети, которые родятся, и чтобы они в свое время возвещали своим детям – возлагать надежду свою на Бога, и не забывать дел Божиих, и хранить заповеди Его» (Пс. 77). То, что видели отцы, передавалось детям, от детей – внукам, от внуков – последующим родам. «Не забывать дел Божьих» означает не забывать всякого действия Его во времени, ибо дело Божье имеет хронологическую привязку и подразумевает, что то, что видели и слышали отцы в своё время, должно было сохраняться детьми как бы виденное и слышанное ими самими. Для сего были учреждены и праздники от Песаха до Пурима в честь наиболее значимых событий собственной истории, чтобы всякий из последующих родов приобщался к празднику, как бы и сам был свидетелем. Суть же сей методологии свидетельства была в том, чтобы посредством непрерывной цепочки связи поколений дальние роды могли бы нисходить к тому самому Первоначалу, от которого они произошли и рождены, дабы знать, чьими они являются детьми и кто является их Богом.

И потому хотя до пришествия Иисуса Христа миссионерство было неактивно в отношении других народов, оно оставалось активно внутри самой еврейской общины, во всём том, что касалось передачи знания от отцов к сыновьям и далее. Задачей ветхозаветного периода было передать то, что слышали и видели отцы своим детям, и так дойти до самого начала в своем свидетельстве о Боге. Подтверждением этому служат слова пророка Исайи, который призывает собраться вместе народы и возвестить: «...что было от начала? Пусть представят свидетелей от себя и оправдаются, чтобы можно было услышать и сказать: “правда!”» (Ис. 43:9). Каждый народ тем самым должен был бы свидетельствовать, кто есть Начало всего и кто Истинный Творец, а кто лишь только тварь? И поскольку в ветхозаветные времена каждому народу было свойственно иметь своих собственных богов, которых они естественно почитали единственно истинным началом Вселенной, то и у Бога Израиля были Свои свидетели – Его народ: «...вы – свидетели Мои, говорит Господь, что Я Бог», чтобы «вы знали и верили Мне, и разумели, что это Я: **прежде Меня не было Бога и после Меня не будет**» (Ис. 43:10). Поэтому ветхозаветная идея миссионерства обуславливалась необходимостью состязаний между Богом Истинным – Израиля – и всеми другими богами, а Божий народ должен был сохранять преемство свидетельства и быть тем самым Его свидетелем о древности Бога изначала. Этим и объясняется наличие столь пространных родословий от самого начала сотворения, в эпоху исхода (Пятикнижие) и царей (Книги Царств), и далее после вавилонского пленения вплоть до рождения Иисуса Христа (Евангелия). При этом Истинным Богом мог быть назван только Творец Вселенной, а все остальные, претендующие на Его титул, – лишь тварями. Эта идея – исток обличений Апостола Павла против народов с ложными богами: «Они заменили Истину Божью ложью и поклонялись, и служили твари вместо Творца» (Рим. 1:25).

Однако можно ли свидетельствовать о Начале, которое никто никогда не видел, ибо именно в этом часто обвинялись язычниками евреи, которым из-за отсутствия внешнего выражения образа Бога евреев было непонятно, каков этот Бог? Поэтому, в отличие от миссии в среде народа Израиля, вопрос миссионерства другим народам стоял особняком, и для них требовался иной тип свидетельства. Понимая это, Иоанн начинает Евангелие с объяснения: хотя Бога никто никогда не видел, Он явил Себя именно через Иисуса Христа во всей Полноте так, что видевший Иисуса Христа – видел Отца и, значит, видел Начало и может свидетельствовать о Начале: «Бога никто не видел никогда; Единородный Сын, сущий в Недре Отчем, Он явил» (Ин. 1:18).

Итак, недостаточно просто стать верующим в Иисуса Христа, но с миссионерской точки зрения человек должен продолжать нести это знание как свидетельство своё – другим людям, доказывая и убеждая тех, кто не видел собственными очами и не слышал ушами, о том, что сам свидетель видел и слышал и что он принял от отцов. Ибо Откр. 12:11 говорит, что чада Божьи победили Словом Свидетельства своего, что означает вечную необходимость свидетельствовать об Иисусе Христе как о Боге в смысле Начала, а точнее Его Безначальности. Этому не противоречит и довод, что миссионерская роль Церкви заключалась в распространении знания и свидетельстве о Христе распятом и воскресшем. Ведь свидетельство о распятом и воскресшем Христе лишь подтверждало тот тезис о Нем как об истинном Начале, ибо лишь тот мог бы воскреснуть из мертвых и вернуться к Жизни по Своему желанию, кто есть Сама Жизнь и Источник Жизни – Начало всего и Сам Бог.

Здесь требуется разработка терминологии, что может стать предметом дальнейших исследований, поскольку для того, чтобы свидетельствовать о Христе как Начале, необходимо глубоко понимать суть: что значит, что Он – Начало? Как недостаточно разумеет Христа – Богом, но необходимо знать, что влечет за Собой это понимание, так и невозможно принимать Бога Началом, не разумея, что включает эта идея. Оставляя эти рассуждения за рамками данного исследования, необходимо отметить, что **с образом Начала особую связь имеет библейский ветхозаветный образ Премудрости Божьей**. Ведь если свидетельство о Начале является сутью миссионерства, то нельзя отделять миссию от познания образа Премудрости Божьей, ибо в Книге Притчей царя Соломона содержится свидетельство именно о Ней как о Той, которую Бог имел в начале пути Своего, прежде всех созданий Своих, искони (Притч. 8:22). Серьезные исследования этого образа предпринимает М. В. Хачатрян. В частности, в одной из статей она показывает, что Премудрость – есть Начало, и этот образ не тождественен образу Иисуса Христа [10, с. 131-134]. В её статьях предпринимается, и довольно успешно, попытка разрешить проблематику этого образа, поднятую русскими религиозными философами и в частности С. Н. Булгаковым в сфере софиологии. Удивительно совпадение – миссиология как наука, долженствующая передать знание о Боге как Истинном Начале и Первоисточке, развивается в XX веке параллельно с проблематикой, поднятой русской софиологией о Премудрости, которая и является тем самым Началом Пути Божьего.

Поэтому с точки зрения миссиологии крайне актуальными остаются исследования в области софиологической проблематики как путь более глубокого исследования образа Софии Премудрости Божьей. Весьма важен ныне часто звучащий тезис о том, что исследования в миссиологии определяются не столько внутренними причинами и потребностями богословия, но прежде всего вызовами современного мира. Если миссия православия заключается в том, чтобы свидетельствовать о Боге как Начале всего Сущего, то невозможно отсюда исключить познание о Премудрости, которая и есть Начало. Следовательно, важным для миссиологии остается изучение образа Софии Премудрости Божьей, который, согласно изысканиям софиологов, отличен от образа Иисуса Христа.

Таким образом, приведем **выводы**, полученные в процессе изучения места миссии в религиозном культе. В результате исследования текстов Ветхого и Нового Завета показано, что в библейском учении внутренний смысл миссии заключается в свидетельстве о Боге как начале всего творения, и потому основой православной миссии является утверждение и свидетельство о том, что именно Бог Израиля, явленный через Иисуса Христа, является Первоначалом, и именно в этом направлении своеобразного сравнительного богословия требуется вести разработку положений миссиологии. При этом обнаружено, что миссионерство – не сугубо новозаветное призвание, но оно присутствовало в Ветхом Завете как непрерывная свидетельская передача исторических событий, дабы цепочка этих свидетельств восходила к Первоначалу. С рождением Иисуса Христа как Бога и Начала стало возможным передать это понимание и иным народам. Без миссии как передачи знаний о Первоначале рвется непрерывная цепочка свидетельств и теряется связь с Первоначалом. Это и показывает, насколько важнейшей деятельностью является миссия для религиозного культа. Таким образом, формирование миссиологии оказывается неразделимым от изучения Бога как Первоначала, что подразумевает важность исследования образа Премудрости, и именно в данном направлении предлагается продолжить разработку оснований этой сравнительно молодой христианской науки.

Список источников

1. **Большой Российский энциклопедический словарь**. М.: Большая Российская энциклопедия, 2009. 1887 с.
2. **Каменщиков Д. А.** Учение Максима Исповедника о логосах и тропосах как теоретическая основа православной миссиологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2018. № 2. С. 133-135.
3. **Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси.** Слово Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на приёме в Гостинном дворе по случаю второй годовщины интронизации 2011 г., 1 февраля // Слово Предстоятеля (2009-2011): собрание трудов. Серия 1. М.: Издательство Московской Патриархии, 2012. Т. 1. С. 131-134.
4. **Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви** [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/220922.html> (дата обращения: 08.04.2020).
5. **Митько А. Е.** Миссионерство и прозелитизм // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2017. № 10 (259). С. 177-184.
6. **Митько А. Е.** Православная миссиология в системе теологического знания: дисс. ... д. теологии. М., 2019. 373 с.
7. **Орлов М. О.** Многомерность цифровой среды в обществе риска // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2019. № 2. С. 155-161.
8. **Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание Определений и Постановлений**. М.: Издание Соборного Совета, 1918. Вып. 3. 186 с.
9. **Тихон (Васильев), перомонах.** Особенности православной миссии в информационном пространстве // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. № 4. С. 241-249.
10. **Хачатрян М. В.** София Премудрость Божия как совокупность и полнота всех божественных и тварных эйдосов // Соловьевские исследования. 2018. № 3 (59). С. 128-142.
11. **Шкаровский М. В.** Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в XX веке // Ипатьевский вестник. 2018. № 6. С. 71-86.
12. **Шмеман А., прот.** Миссионерский императив // Шмеман А., прот. Собрание статей. 1947-1983. М.: Русский путь, 2009. С. 20-25.
13. **Meyendorff J.** Witness to the World. Crestwood – N. Y.: SVS Press, 1987. 262 p.

Missionary Work as Conditioning Factor of Religious Cult in Orthodox Worldview

Nazaryan Artem Levaevich

Saratov State University

a-nazareos@yandex.ru

The study aims to analyse the place and purpose of the mission in a religious cult through the lens of the Orthodox worldview. In order to achieve this, the article considers the biblical doctrine of the essential foundations of the missionary work phenomenon. The research is novel in that this phenomenon is explicated using not only the texts of the New Testament but also those of the Old Testament. The attained results have shown that, despite differences in the mission representation in both the Testaments, its meaning is the same, consisting in generations-eyewitnesses of certain divine events and miracles passing their continuous testimony about the God as true beginning of all the things down to the next generations. A religious cult without the mission is pointless as it loses its original connection to the first beginning whereas the formation of missiology is associated with researching the image of Holy Wisdom as beginning of the God's way.

Key words and phrases: missiology; mission essence; Old Testament mission; missionary work; testimony; Christianity; theology; Great Commission; Holy Wisdom.

УДК 141; 2:22.08

Дата поступления рукописи: 02.03.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.6.29>

Цель исследования – проанализировать проблематику, усмотренную русскими софиологами при изучении библейского образа Софии Премудрости Божьей. В статье используется методология С. Н. Булгакова по исследованию данного вопроса: рассматриваются ключевые аспекты православной традиции, указывающие на причину софиологических споров, где присутствует неоднозначность толкования образа Премудрости. Выявлена необоснованность критического отношения к русской софиологии на основании патристических воззрений, содержащих пробелы в толковании библейского образа Премудрости из-за многообразности её персонализированного образа в православной традиции. Показана важность его полноценной догматической интерпретации как ответ на заявленную софиологами проблематику для понимания истоков софиологической мысли и завершения споров вокруг наследия С. Н. Булгакова.

Ключевые слова и фразы: София Премудрость Божья; софиология; теология; С. Н. Булгаков; русская софиология; персонафикация Премудрости; патристика.

Назарян Дебора Артёмовна

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
deboranazaryan@gmail.com

Проблематика толкования образа Софии Премудрости Божьей в русской религиозной философии

Актуальность исследования определяется, прежде всего, незавершенностью софиологических споров 20-30-х годов XX века о статусе учения о Премудрости Божией. Этот вопрос продолжал оставаться предметом все новых и новых дискуссий среди историков, философов, богословов, показывая несостоятельность основных доводов и обвинений против наиболее разработанного учения о Софии Премудрости Божьей русского философа-богослова Сергея Николаевича Булгакова. Созванная митрополитом Евлогием специальная комиссия решительно отвергла обвинения против С. Н. Булгакова в еретичестве, а комиссия преподавателей Православного богословского института в Париже осудила печально известный Указ Московской Патриархии [17, с. 33-45]. Таким образом, безысходность и тупиковость данного философско-богословского вопроса обуславливается не только отсутствием церковного догматического определения или же содержательного учения о Премудрости Божьей, но и усиливается явно поверхностным, предвзятым и поспешным суждением о софиологическом учении С. Н. Булгакова. О поспешности критического суждения об этом учении со стороны отдельных православных богословов (включая главного критика архиепископа Серафима (Соболева)) неоднократно говорилось как мыслителями-современниками С. Н. Булгакова [14], так и нынешними исследователями софиологии и русской религиозной философии. Современный историк философии Н. А. Ваганова, авторитетный исследователь трудов и жизненного пути С. Н. Булгакова, подчеркивает, что заявление прот. Иоанна Мейендорфа об исчерпанности софиологической проблематики как научной темы является преждевременным выводом [4, с. 5], а сам С. Н. Булгаков, по ее представлению, «пока еще нами не прочитан» [Там же, с. 8]. С точки зрения автора, принципиальным в этом споре остаётся безответность проблематики, заявленной С. Н. Булгаковым в своих творениях. Без понимания этой проблематики определенно невозможно провести **объективное, нетенденциозное исследование столь значительного для русской**